

Чжан Сяовэй просидел так довольно долго. В вагоне стало прохладно, он зябко поёжился и не удержался от громкого чихания. Этот звук разбудил спавших неподалёку двух крестьян. Высокий и крепкий мужчина достал из сумки пакет, выбрал самую аккуратную и новую вещь, протянул её Чжан Сяовэю и жестом предложил набросить на плечи.

Чжан Сяовэй улыбнулся ему, взял одежду и закутался в неё. Поднявшись, он сказал:

— Дяди, может, вы присядете на мои места на какое-то время? А я встану, разомнусь.

Услышав это, второй крестьянин — невысокий и плотный — слегка приподнялся, намереваясь занять место, но высокий товарищ тут же решительно усадил его обратно. Ткацким жестом указав на самого себя, тот отмахнулся:

— Грязный я, моё грязное, не буду садиться.

Чжан Сяовэй не стал настаивать. Он поднялся и, обойдя их, направился в туалет.

Толкнув створку окна в конце вагона, Чжан Сяовэй ощутил, как ветер от мчащегося на всех парах поезда обжигает холодом. Он ещё плотнее запахнул чужую куртку и, запрокинув голову, увидел усыпанное звёздами небо.

Ему показалось, будто одна из звёзд подмигивает ему.

Старики в его деревне рассказывали, что после смерти человек получает шанс превратиться в небесное светило. Если на душе осталась неразрешенная тоска, звезда может моргнуть, и живые на земле почувствуют это.

Чжан Сяовэй подумал, что если ему однажды доведётся стать звездой, кому станет подмигивать он? Наверняка Чжан Чжи. Сам он всегда надеялся уйти из жизни раньше Чжан Чжи, ведь влачить одинокое существование в этом мире было поистине невыносимо.

Он не боялся смерти, он страшился жизни, в которой не осталось бы ни единого проблеска радости.

«Снова я о нём вспомнил», — горько усмехнулся Чжан Сяовэй.

Ёжась от холода, он вернулся на своё место. Высокий крестьянин добродушно улыбнулся:

— Ишь ты, сентябрь на дворе, а так холодно! Небось... небось кондиционер слишком сильно включили.

— Да уж, сентябрь... И тот сентябрь тоже был в сентябре, — пробормотал себе под нос Чжан Сяовэй.

Воспоминания унесли его в тот сентябрь — месяц, окрашенный мерцающим золотом.

Время, когда он был полон юношеского задора, а дни сияли безграничным великолепием.

В том сентябре волостная администрация совместно с местными средними и начальными школами затеяла грандиозные спортивные состязания для отбора талантливых ребят.

Как названное, школьный учитель физкультуры по срочным делам уехал на две недели. Из-за приближающейся спартакиады обязанности тренера и руководителя команды легли на плечи Чжан Чжи.

Те две недели, стоило закончиться последним двум урокам, Чжан Чжи выходил на середину школьного двора и трубил в свисток, сзывая всех на построение.

Чжан Чжи пользовался всеобщей известностью в школе вовсе не благодаря выдающимся оценкам или баснословному богатству. Секрет его популярности крылся в блестящих спортивных достижениях.

Он был намного выше сверстников, отличался ловкостью и владел парой длинных, быстрых ног. В каких бы спортивных дисциплинах он ни участвовал, победа неизменно оставалась за ним. К тому же Чжан Чжи командовал школьным отрядом знаменосцев, и по понедельникам во время утренней церемонии поднятия государственного флага выглядел особенно одухотворённо и гордо.

Куда бы ни шёл Чжан Чжи, он везде становился центром притяжения для младшеклассников.

Чжан Сяовэй был самым низкорослым парнем в классе, уступая в росте даже большинству девочек. Из-за этого он становился всё более молчаливым и закомплексованным. У него почти не было друзей, за исключением Чжан Чжи.

Тем не менее, Чжан Сяовэй тоже состоял в школьной команде — как обладатель волостного рекорда по прыжкам через скакалку. Поэтому он каждый день ходил на тренировки вместе с Чжан Чжи.

Обязательной частью программы ежедневно был бег — абсолютно все дисциплины требовали беговой подготовки. Дистанция пролегла от школьного стадиона до холма, возвышавшегося за учебными корпусами.

Чжан Сяовэй неизменно отставал и плелся в самом хвосте. Но ему нравилось наблюдать за Чжан Чжи, который свистел в свисток и зычным голосом командовал: «Раз-два-три, раз-два-

три!»

И каждый раз Чжан Чжи замедлял шаги, поджидая его.

Им не нужны были слова: они бежали плечом к плечу под лучами заходящего солнца, а золотистые блики заката укутывали их теплом и умиротворением.

Для Чжан Сяовэй этот мягкий золотистый отблеск навсегда остался самым прекрасным цветом на свете.

Первые лучи утренней зари коснулись лица Чжан Сяовэя, и он с удивлением осознал, что провёл в воспоминаниях о Чжан Чжи всю ночь напролёт.

Как ни странно, он не чувствовал ни малейшей усталости — напротив, бодрость лишь крепла. И хотя он почти сутки ничего не ела, желудок не издавал ни звука.

Повернув голову, он заметил, что хитрый мужичонка с заострённым лицом куда-то исчез. Двое крестьян сидели на полу, обхватив колени руками, и крепко спали; соседние места пустовали, но они так и не перебрались на сиденья. Чжан Сяовэй вздохнул и снова принялся разглядывать пейзаж за окном.

В предрассветных сумерках угадывались очертания поезда, проносащегося сквозь бескрайнюю равнину, которая постепенно сменялась грядой холмов.

Вдали громодились слоистые горные хребты — поистине величественное зрелище. А в заливных полях по обе стороны полотна пестрели заросли цветущего лотоса.

Утренняя роса переливалась на листьях и, подсвеченная первыми лучами солнца, сияла ослепительным блеском, словно россыпь драгоценных жемчужин.

Утро в поезде выдалось на редкость тихим, разительно отличаясь от вчерашней шумной толчеи.

— Дорогу, дайте пройти! Свеженький завтрак, всего десять юаней, только что из печи, горячий завтрак по десять юаней! — проводник с тележкой разбудил задремавших пассажиров.

Люди, сидевшие на полу, принялись подниматься, уступая проход.

Вагон мгновенно ожил.

Когда тележка поравнялась с Чжан Сяовэем, до него донёлся манящий аромат паровых

булочек. В животе тут же засосало от голода. Чжан Сяовэй с трудом нашарил в потайном кармане кошелёк и уже собирался попросить одну порцию, как сидевший рядом высокий крестьянин с простодушной улыбкой поинтересовался:

— А сколько эта коробочка стоит?

— Десять юаней, — лениво бросил проводник.

— С чего так дорого-то? Всего одна булка, миска кажи да варёное яйцо! У нас дома за такое от силы юань попросят, — невысокий мужик изумлённо цыкнул языком.

— Эй, красавчик, тебе взять порцию? — проводник явно заметил, что Чжан Сяовэй держит в руках кошелёк.

— Эм... пожалуй, давайте три, — Чжан Сяовэй протянул тридцать юаней.

— Ты куда столько гребёшь, всё равно не осилишь! — высокий мужик испуганно оттолкнул его руку с деньгами.

— Пять юаней, пойдёт? — нахмурившись, тихонько спросил низкорослый крестьянин.

— Цена фиксированная. Не хотите брать — не заслоняйте проход, — проводник начал терять терпение.

— Давай три. Хотя нет, лучше две, — посомневавшись, выдал высокий.

Заметив, что высокий крестьянин уже забирает коробку, Чжан Сяовэй обратился к проводнику:

— И мне одну положите.

Тот поспешно запротестовал:

— Да мы эту на тебя и взяли! Нам одной на двоих хватит, у нас ещё лепёшки с собой.

Затем он повернулся к проводнику:

— Всё, иди отсюда, нам больше не надо.

Проводник окинул его презрительным взглядом и покатыл тележку дальше.

Крестьянин протянул коробку Чжан Сяовэю. Тот хотел отказаться, но, поймав взгляд полный надежды, не смог пересилить себя и взял еду.

Достав из кошелька десятиюаневую купюру, Чжан Сяовэй силой вложил её в ладонь мужика со словами:

— Дядя, вам деньги достаются нелегко. Я не могу объедать вас даром.

Лицо высокого крестьянина помрачнело:

— Что ж ты за парень-то такой несговорчивый? Пусть деньгами мы не сопли ворочаем, но заработать на кусок хлеба могу. Я ж по тебе сразу вижу — студент ещё совсем. Не дело это, чтобы ты за нас платил. К тому же я вчера твою большую миску лапши ел, она ровно те же десять юаней стоила, считай, квиты. Да и «дядей» ты меня назвал — мне это по душе.

Невысокий мужик уже вытащил огромную пшеничную лепёшку и сунул товарищу в руку, поддакивая:

— Ешь давай! У нас вон лепёшки припасены, до чего же ароматные, пальчики оближешь.

Глядя, как они аппетитно уплетают лепёшки вприкуску с солёными овощами, Чжан Сяовэй и сам почувствовал зверский аппетит.

Расправившись с булкой из коробки, он принял из их рук кусок лепёшки и умял за обе щеки.

Крестьяне были на седьмом небе от счастья. Они пытались всучить ему ещё лепёшек, но Чжан Сяовэй замахал руками, показывая, что больше в него не лезет.

Едва они закончили трапезу, как проводник стал возвращаться обратно, монотонно покрикивая:

— Осторожно, расчистите проход! Обед дешевет, теперь по пять юаней за коробку, уступите дорогу!

Услышав это, высокий крестьянин тут же подскочил и загородил путь тележке.

— Ты что же это людей дуришь? Нам по десять продал, а другим по пять?! — возмутился он.

— Такие правила. Туда едем — по десять, на обратном пути — по пять, — устало пояснил проводник.

— Да врѣшь ты всё! Прошло-то всего ничего, а уже вдвое дешевле?! С какой стати?! — крестьянин крепко вцепился в борт тележки. — Нет уж, давай объясняйся, иначе не пущу!

— Ладно, проклятый день, — сплюнул проводник, вытащил десятирублёвку и швырнул её в лицо мужчине.

Пассажиры, купившие завтраки по первоначальной цене, тут же подняли шум:

— И мне пять юаней верни!

— Верно, требуем объяснений!

Делать было нечего, и проводник скрипя зубами вернул разницу всем. С кислым выражением лица он покатил тележку дальше.

Чжан Сяовэй поднял большой палец вверх и восхищённо произмолвил:

— Дядя, ну вы мастер!

Высокий крестьянин почесал затылок и захихикал:

— Эге, терпеть не могу, когда на честных людей давят. Что моё — то моё, а чего нет — того не возьму. Нельзя позволять об себя ноги вытирать. Запомни-ка, парень: где надо — стерпишь, а где нельзя — ни за что не отступайся, иначе мигом на шею сядут.

Чжан Сяовэй согласно закивал.

Он помог мужчинам перебраться на сиденья, и они продолжили непринуждённую беседу.

Спустя несколько часов поезд наконец прибыл в Чанша.

С лёгким сердцем попрощавшись с попутчиками, Чжан Сяовэй шагнул за порог вокзала и сразу же ощутил, как на него накатила волна удушающей жары.

Хотя он и готовился к этому морально, тропический зной Чанша всё равно ударил по нему с неожиданной силой.

Горько усмехнувшись, Чжан Сяовэй бросил прощальный взгляд на здание вокзала, окинул взглядом незнакомый город и пробормотал себе под нос:

— Ну здравствуй, Чанша!

Глава шестая. Земляки в университете

Поскольку он приехал на день раньше, попасть к волонтерам встречи первокурсников ему не довелось.

Чжан Сяовэй извлёк на свет схему маршрутов общественного транспорта, на поиски которой Чжан Чжи потратил в своё время целый день в интернет-кафе.

Следуя карте, он отыскал автобус номер один и по привычке занял место в самом хвосте салона — у правого окна. Чжан Сяовэй родился в Циндао, северном городе, который, впрочем, разительно отличался от массивной суровости прочих северных мегаполисов.

Он не любил родной город из-за постоянной нехватки дождей. Чжан Сяовэй обожал дождливые дни: звук капель, барабнящих по крыше, заставлял его прятаться под зонтом и наблюдать за спешащими прохожими. Под защитой перстой водной завесы мир казался ему тихим и уединённым.

Помимо дождя, ему нравилось по вечерам занимать заднее сиденье автобуса. Даже летом вечера в Циндао давали спасительную прохладу. Он приоткрывал окно, позволяя ветерку овеять лицо, и смотрел на сменяющих друг друга пассажиров, на незнакомых людей на улице. Он думал о том, что дал ему этот город и почему он чувствует себя здесь чужаком. Эти минуты в пути принадлежали только ему — тихие, нетронутые чужим вмешательством, именно те мгновения, когда время хотелось остановить.

Кондиционер в автобусе работал вовсю, окна были наглухо заперты. В духоте смешались запахи пота и подмышек, отчего у страдавшего лёгкой формой гермофобии Чжан Сяовэя подступила к горлу тошнота. Он приоткрыл форточку хотя бы на палец, и вбежавший с улицы ветерок легко коснулся его кожи. И хотя воздух оставался жарким, спазмы в желудке понемногу утихли.

Наконец Чжан Сяовэй услышал долгожданное название остановки своего университета.

Словно беглец, спасающий жизнь, он вытащил чемодан и вихрем выскочил из автобуса. Выйдя из машины, Чжан Сяовэй сразу же увидел свой университет. Первое, что бросилось ему в глаза, — это здание оригинальной архитектуры, на котором позолоченными крупными иероглифами было выведено: Библиотека.

Библиотека располагалась на озере, и подвесной мост соединял её с кампусом. Учебные корпуса вдаль тонули в зелени деревьев. В тени сидели тут и там старшекурсники. Рябь на бирюзовой воде создавала особую, живописную атмосферу. Всё оказалось в тысячу раз красивее, чем он раньше видел на экране компьютера.

Даже привычное спокойствие Чжан Сяовэй было слегка нарушено волнением.

Достав карту маршрута и следуя по стрелкам, Чжан Сяовэй направился к гостинице, которую ему подобрал Чжан Чжи.

Увидев три гигантские вывески с надписью «Сянькэлай», Чжан Сяовэй невольно горько улыбнулся: название этого заведения и правда пользовалось неизменной популярностью и было раскинуто по всей стране, заслуживая звания крупнейшей сети отелей.

Бросив взгляд на фасад гостиницы, Чжан Сяовэй пробормотал себе под нос: Вроде неплохо.

Таща багаж, он вошел внутрь, предъявил удостоверение личности и оплатил проживание. Чжан Сяовэй в каком-то смысле повезло: из-за наплыва первокурсников в отеле остался всего один свободный номер.

Поднимая тяжёлый чемодан и преодолевая пролёт за пролётом, Чжан Сяовэй мысленно яростно клял отель: Скупые, бесчеловечные, бессовестные, даже лифта не поставили! Неудивительно, что у вас номера пустуют, желаю, чтобы ваши комнаты из года в год оставались нераспроданными! Он осыпал приютивший его отель самыми злыми проклятиями, какие только мог отыскать в своем лексиконе.

Наконец Чжан Сяовэй добрался до четвёртого этажа. Скинув обувь и пластом рушится на кровать, он тяжело, по-собачьи высунув язык, дышал. Ругать ему хотелось вовсе не паршивую гостиницу, а паршивого Чжан Чжи!

Чжан Сяовэй набрал номер Чжан Чжи.

— Алло, ты добрался? — раздался в трубке возбужденный голос Чжан Чжи. — Я как раз собирался тебе звонить.

— Ты... смерти... ищешь, — сквозь зубы процедил Чжан Сяовэй.

— Что случилось? Кто тебя обидел? — озадачился Чжан Чжи.

— Ты, тупица! В отеле, который ты мне нашел, нет лифта! Мой номер на четвёртом этаже! Каково же мне, человеку, не способному и курицы связать, всё это пережить?

— Ха-ха-ха, считай, что это тебе вместо похудения. Я погляжу, за лето ты знатно поднабрал мяса, полезна для здоровья физкультура.

На другом конце провода послышался ехидный смешок Чжан Чжи.

— Твою мать! А у тебя еще хватает наглости смеяться, — Чжан Сяовэй был готов расплатиться.

— Ладно, через тернии к звёздам. Отдохни пока хорошенько, сменишь номер — черкни мне пару строк, скрытный ты наш! — успокаивающе произнес Чжан Чжи.

— Хм, и не подумаю! И еще: я повторял уже сто раз, не смей называть меня скрытным! — возмущенно бросил Чжан Сяовэй и сбросил вызов.

Вспомнив, как Чжан Чжи как-то разбирал его характер, отнеся его к типу скрытных людей, Чжан Сяовэй подумал, что с близкими он может вести себя безумно и беззаботно, а перед незнакомыми держится чинно, словно благородный муж.

Поразмыслив как следует, Чжан Сяовэй признал, что анализ Чжан Чжи был весьма точен, вот только людей, способных заставить его вести себя столь безумно, можно было пересчитать по пальцам.

Затем Чжан Сяовэй позвонил отцу:

— Алло, пап, я доехал. Дорога прошла спокойно, я уже в гостинице. Завтра иду отмечаться.

— Хорошо, я передам твоей маме, она очень переживала. И еще: учись прилежно, и не скупись на деньги, если нужно — трать, — напутствовал отец.

— Ладно, я тогда вздремну немного.

Не сомкнув глаз за всю ночь в поезде, Чжан Сяовэй рухнул на кровать, всем существом ощущая, что превратился в бесформенную кучу грязи. Пошевелиться он уже не мог. Включив кондиционер, Чжан Сяовэй так и заснул в полном забытии.

Проснулся он от голода. Открыв глаза, Чжан Сяовэй увидел, что на часах уже десять вечера.

Он судорожно вскочил с кровати, достал из сумки памятку первокурсника, нашел нужные точки и выписал их на клочок бумаги — ему нужно было заранее всё разведать, чтобы завтра не суетиться попусту. Кроме того, требовалось добыть какой-нибудь еды, чтобы унять бунтующий желудок.

Когда остаешься один, приходится рассчитывать только на себя.

Выйдя из номера, Чжан Сяовэй смутно слышал доносившиеся из соседней комнаты звуки ссоры. Причем ссорились двое мужчин.

Словно поддавшись какому-то наваждению, Чжан Сяовэй прижался ухом к двери напротив. Он даже сам удивился: обычно чужие дела его ни капли не интересовали, а тут вдруг потянуло подслушивать!

Больше всего Чжан Сяовэя разочаровало то, что из-за толстой двери было не разобрать слов: до него долетали лишь неясные всхлипывания одного из собеседников и раздраженные нотки в голосе другого. И ладно бы только это — самое главное, что говорили они на каком-то непонятном языке, очень похожем на то бормотание, что доносилось порой от пассажиров в автобусах. Чжан Сяовэю стало досадно: стоило только попытаться заглянуть в чужие тайны, как перед носом захлопнули дверь.

Едва он успел досадливо поморщиться, как из комнаты послышались приближающиеся шаги. Чжан Сяовэй опрометью бросился вниз и выскочил из гостиницы. Задержавшись на крыльце на секунду, он заметил вдали коренастого мужчину в пестрой рубашке, который, опустив голову, быстро растворился в ночной темноте.

Укротив собственное любопытство, Чжан Сяовэй направился вглубь кампуса.

Однако территория университета оказалась слишком велики, и карта в его руках мало чем помогала.

Впрочем, заметив, как парочка старшекурсниц неподалеку разглядывает его масляными взглядами, Чжан Сяовэй понял, что дело пойдет как по маслу.

Те самые старшекурсницы, что только что оживленно о чем-то спорили, при виде приближающегося Чжан Сяовэя мгновенно выпрямились и приняли серьезный вид.

— Старшекурсницы, здравствуйте, я первокурсник. Подскажите, где находится учебный корпус? — вежливо поинтересовался он.

— Я тебя провожу!

— Нет, я!

Несколько старшекурсниц наперебой принялись спорить.

Уголки губ Чжан Сяовэя приподнялись, и он с живым интересом наблюдал за их перепалкой. Поистине, смазливое личико, подаренное родителями, пригодится в любом месте.— Что ж, в этот раз с симпатичным первокурсником должна была повезти Чэнь Вэньцзин. Завтра продолжим охоту, — произнесла одна из старшекурсниц, поправляя хвостик.

Чжан Сяовэй увидел, как одна из старшекурсниц — тонкая, изящная, с копной распущенных волос и приятным лицом, одетая в платье в богемном стиле — слегка улыбнулась ему и

сказала:

— Младший брат, я провожу тебя.

Чжан Сяовэй ответил: «Спасибо» и последовал за Чэнь Вэньцзин.

Не успели они отойти, как сзади послышался насмешливый голос всей компании:

— Младший брат, берегись этой ведьмы, не дай себя утащить!

Чжан Сяовэй развел руками и рассмеялся:

— Только об этом и мечтаю.

Чэнь Вэньцзин обернулась и бросила через плечо:

— Вернусь — сами знаете, что с вами сделаю!

Чжан Сяовэй краем глаза присмотрелся к сопровождавшей его девушке. В целом, впечатление неплохое, только лицо кругловато, с пухлыми щечками.

Он прокрутил в голове несколько вариантов начала разговора, но не воспользовался ни одним из них. За него всё сделала Чэнь Вэньцзин.

— Младший брат, ты откуда родом? — смущенно спросила она, глядя под ноги.

— Старшая сестра, я из Шаньдуна.

— Откуда именно? У тебя акцент похожий. Я тоже из Шаньдуна, — радостно отозвалась она.

— Из Циндао.

— О! Так мы земляки! Я тоже из Циндао! — воскликнула она, и от неожиданности её голос сорвался на фальцет.

Поняв, что ведет себя излишне эмоционально, Чэнь Вэньцзин поспешно прикрыла рот, который широко распахнулся от изумления.

— Какое совпадение, — Чжан Сяовэй приподнял брови. Это было приятным сюрпризом — встретить земляка в первый же день.

Из-за того, что они оказались из одного края, неловкость между ними исчезла. Чэнь Вэньцзин начала показывать ему кампус и рассказывать об истории университета. Единственным минусом для Чжан Сяовэя было то, что Чэнь Вэньцзин постоянно, в порыве кокетства, эффектно встряхивала волосами, и при каждом таком движении несколько прядей хлестали его по лицу.

Никакой рекламируемой мягкости и шелковистости он не ощутил — хотелось только чихнуть. Чжан Сяовэй пришлось тихонько увеличить дистанцию, чтобы оставаться в «безопасной зоне», и так они продолжили прогулку.

Через полчаса Чжан Сяовэй уже отлично ориентировался в том, где и что будет происходить завтра.

— Старшая сестра, позволь угостить тебя напитком, — предложил он.

— Младший брат, ты слишком официален, называй меня просто Вэньцзин. Общежитие скоро закроют, так что в следующий раз. Может, дашь свой номер телефона? — попросила она, слегка краснея.

— 151xxxxxxx.

— Хм, а как мне тебя называть?

— Чжан Сяовэй. Чжан — как лук, Сяо — как маленький, Вэй — как великий.

— А я Чэнь, Чэнь Вэньцзин. Будем на связи. В нашем университете много шаньдунцев, а вот земляков из Циндао — по пальцам пересчитать. Ну, до встречи! — она помахала ему рукой.

Чжан Сяовэй проводил её взглядом, покачал головой и вздохнул. Общение с людьми всё ещё давалось ему с трудом, особенно с девушками — особенно с теми, которые так легко смущаются.

Вокруг студенческого городка всегда полно закусовых. Чжан Сяовэй увидел, что в это время все заведения переполнены. Аромат жареного мяса наполнил улицу, отчего его желудок заурчал еще сильнее. Он зашел в ту, где было потише.

Пухлый хозяин в фартуке спросил его на местном диалекте:

— Чего желаете?

Чжан Сяовэй опешил и ответил на безупречном литературном языке:

— Простите, я не понимаю, что вы сказали.

Хозяин усмехнулся и, перейдя на более-менее понятный путунхуа, добавил:

— Ты, должно быть, новенький, иначе бы понял. Я спрашиваю — что будешь есть?

Чжан Сяовэй улыбнулся и, указав на меню на стене, ответил:

— Одну порцию лапши с мясом.

— Тебе круглую или плоскую? — снова спросил хозяин.

— Без разницы.

— Понял! Сейчас принесу круглую, попробуешь, — с энтузиазмом отозвался он.

Для Чжан Сяовэй «лапша» ассоциировалась с зимним домашним супом из свинины с капустой и крахмальной лапшой. Ему нравился этот вкус, поэтому при виде названия он не смог удержаться.

Вскоре перед ним поставили дымящуюся миску.

— Видно, что ешь впервые, даже не знаешь, какую выбрать, — улыбнулся хозяин. — Попробуй, как тебе? Добавь острого перца, будет еще вкуснее.

Чжан Сяовэй подцепил немного белой лапши и с аппетитом съел. Кивнув хозяину, он произнес:

— М-м, очень вкусно.

— Раз нравится, ешь больше! У нас её вдоволь! — расплылся в улыбке хозяин.

Когда Чжан Сяовэй расплачивался, он хотел было сказать хозяину, что его заведение пустует из-за того, что он слишком много болтает. Но, взглянув на его счастливое лицо, он решил, что это суждение слишком поверхностно. Тот жил так беззаботно, что Чжан Сяовэй невольно заразился этим настроением. В конце концов, вместо того чтобы жить, постоянно озираясь, лучше быть самим собой.

Возвращаясь в отель, Чжан Сяовэй на секунду прильнул к двери соседнего номера, но внутри было тихо. С легким разочарованием он зашел к себе. Разделся, принял душ, почистил зубы и лег в кровать. Перед сном он глянул на телефон: пришло сообщение от Чжан Чжи: «Малыш, не скучай по мне».

Чжан Сяовэй не стал отвечать, включил кондиционер, укрылся тонким одеялом и провалился в сон.

Раздражающая трель телефона прервала сладкий сон. Чжан Сяовэй по привычке нажал «отклонить» и отшвырнул аппарат в сторону. Но телефон не унимался. Выругавшись, он нашарил его рукой и, щурясь от яркого экрана, взглянул на имя звонящего. Это был Чжан Чжи!

Чжан Сяовэй обессиленно нажал кнопку ответа на вызов и лениво протянул:

— Чего тебе спозаранку, дай поспать человеку.

— Я так и знал, что ты еще в постели. Посмотри, сколько времени! Девять часов! Сегодня же день регистрации, живо вставай и дуй занимать очередь. Я же предлагал пойти с тобой, а ты всё пыжился, корчил из себя героя, — принялся отчитывать его Чжан Чжи.

— Ладно, встаю я, ну и зануда ты, точь-в-точь старуха.

В голосе Чжан Сяовэя сквозило утреннее раздражение.

Сбросив вызов, Чжан Сяовэй взглянул на экран телефона — и впрямь девять часов.

Резко выгнувшись рыбкой, он соскочил с кровати и пару раз яростно потёр лицо, чтобы поскорее взбодриться.

Спринтерским бегом долетев до ванной, он выдавил пасту на щётку и, усевшись на унитаз, занялся утренними процедурами. Очередь казалась длинной, но двигалась на удивление быстро. Прошло всего минут двадцать, как подошла очередь Чжан Сяовэя.

Поставив штамп, Чжан Сяовэй поднял голову и огляделся, но тех двоих, чьё присутствие его только что смутило, поблизости не оказалось.

Украдкой смывшись из столовой, Чжан Сяовэй по заранее намеченному маршруту двинулся к следующей цели.

Едва он вышел из столовой, как сзади раздался чарующий мужской голос:

— Эй, красавчик.

Чжан Сяовэй замялся, но оборачиваться не стал.

— Эй, красавчик! — снова услышал он у себя за спиной мягкий мужской голос.

В тот самый момент, когда Чжан Сяовэй в замешательстве повернулся, он горько пожалел о своем решении.

Он увидел, как худощавый белокожий парень тихонько ухмыляется, а крепкий, ладно скроенный мужчина смотрит на него мягким взглядом, застыв в полуулыбке.

Молча опустив голову, Чжан Сяовэй уже собирался отвернуться, как услышал, как бледный худощавый парень хихикнул:

— А я же говорил, твой бархатный баритон не сравнится с моим нежным голосом.

Лицо Чжан Сяовэя покрылось темными тучами. С трудом подавив зудящее желание одним ударом раскроить череп этому худощавому типу, он одарил парочку этих скооперировавшихся мерзавцев выразительным презрительным взглядом.

Не успел Чжан Сяовэй сделать и двух шагов, как сзади снова раздался тот самый бархатный голос:

— Красавчик, погоди.

Чжан Сяовэй остановился, выровнял дыхание, натянул на лицо принужденную улыбку и обернулся:

— Чего изволите, два красавчика? Вы это серьезно? Вам что, доставляет удовольствие так издеваться над людьми? Признаю, я тогда... я тогда...

Заметив, что лица обоих красавчиков исказились от точно таких же натянутых улыбок, Чжан Сяовэй окончательно лишился дар речи.

Крепкий мужчина, заметив помрачневшее лицо Чжан Сяовэй, шагнул вперед и торопливо вскинул руку в извиняющемся жесте:

— Красавчик, прими мои извинения, мы вовсе не хотели тебя обидеть. Просто мы обратили внимание, что ты направляешься к учебному корпусу, и нам по пути. По слухам, тамошняя очередь в разы длиннее нашей, но мы уже договорились там со своими людьми, так что предлагаем тебе подбросить тебя без очереди, чтобы ты не мучился.

Ого, оказывается, они хотели как лучше! Вспомнив, как он без разбора набросился на парней с претензиями, Чжан Сяовэй подумал, что этот мир преисполнен жуткой злобы к нему!

— Пошли, красавчик. Если не управимся до полудня, после обеда народу станет еще больше.

Белокожий худощавый парень хлопнул Чжан Сяовэй по плечу и с улыбкой произвел оценку:

— А телосложение ничего так.

В тот же миг Чжан Сяовэй ощутил бьющий в нос резкий аромат парфюма.

Моргнув, он поморщился и мысленно вздохнул: «Интересно, встреча с этими двумя — благословение для меня или проклятие?»

Заметив, с какой странной нежностью шагают впереди эти двое, Чжан Сяовэй счел происходящее подозрительным. Уж не парочка ли они часом? Тут его мысли переключились на дурашливую физиономию Чжан Чжи, и он невольно усмехнулся.

— Ой, Линь Юй, глянь-ка, этот парень, как и ты, поступил на литературный факультет, на отделение телережиссуры, — бросив взгляд на лежащую у Чжан Сяовэй в руке анкету, сказал крепкий парень, обращаясь к белокожему спутнику.

— Вау, и правда! Чжан Сяовэй, теперь мы однокурсники. Меня зовут Линь Юй, можешь звать меня Сяо Юй.

Линь Юй заглянул в бланк Чжан Сяовэй и радостно подпрыгнул.

— Да, Линь Юй, привет, — вежливо отозвался Чжан Сяовэй, хотя сам чувствовал, что звучит так, будто просто отмахивается.

Линь Юй взял под руку крепкого парня и представил:

— А это мой хороший друг, Ли Хан.

— Привет, Ли Хан, — поспешно добавил Чжан Сяовэй, но про себя подумал: «И что это за дружки такие странные?»

Ли Хан улыбнулся и поинтересовался:

— Тяжелый чемодан? Гляжу, ты весь в мыле, давай я помогу донести.

Чжан Сяовэй поспешно замахал руками:

— Нет-нет, что вы, не тяжелый, спасибо.

— Ну хорошо. Осмелюсь спросить, откуда ты родом, Чжан? Судя по чемодану, ты прибыл в

одиночку, верно? — тут же продолжил допрос Ли Хан.

— Циндао, Шаньдун, — вежливо ответил Чжан Сяовэй, а про себя скептически хмыкнул: «Сладки речи — верный признак беды».

— Отличное место, я всегда мечтал съездить с любимым человеком в Циндао посмотреть на море, — с ухмылкой произнес Ли Хан.

Чжан Сяовэй вдруг подумал, что этот тип и впрямь чертовски хорош собой, когда улыбается — даже в уголке глаз искрятся веселые искорки.

Он уже ломал голову над тем, что ответить, как вдруг Линь Юй издал сердитое «фырк» и, не оглядываясь, широким шагом двинулся вперед.

Ли Хан развел руками и скривил губы:

— Такой уж у Линь Юя характер, требует, чтобы все крутились вокруг него. Ничего, скоро отойдет, пустяки.

Линь Юй шел впереди, каждые два шага оглядываясь и корча им рожицы.

Ли Хан мягко улыбнулся:

— Видишь? Он всегда такой, сущий ребенок. На этот раз его затащили на поступление... то есть, его уговорил другой хороший друг прийти сюда и занять очередь. Да, мы все трое местные, из Чанши.

Чжан Сяовэй кивнул.

— Сдается мне, ты парень рассудительный, а вы с ним в одном классе — приглядывай за ним порой.

Взгляд, которым Ли Хан смотрел на Линь Юя, был наполнен такой густой нежностью, что у Чжан Сяовэя что-то ёкнуло внутри. Подобный взгляд ему уже доводилось видеть — в глазах Чжан Чжи.

— Живей давайте, учебный корпус пришли! — крикнул издали Линь Юй.

Подняв глаза, Чжан Сяовэй увидел, что очередь здесь и правда внушительнее той, что была у столовой.

Чжан Сяовэй и Линь Юй в два счета взлетели по ступеням и протянули анкеты стоявшему во главе очереди парню, который приветственно махал им рукой.

Когда Чжан Сяовэй, таща тяжелый чемодан, почувствовал, что устал подниматься, Ли Хан протянул руку сбоку и подхватил багаж. Чжан Сяовэю стало неловко: они едва знакомы, а он уже позволяет тащить свои вещи, право слово, неудобно как-то.

Они молча поборолись пару секунд, но в конце концов Чжан Сяовэй уступил настойчивости Ли Хана и отпустил ручку чемодана.

Линь Юй вприпрыжку забрал у Чжан Сяовэя анкету и передал её парню, стоявшему впереди.

— Эй, ну вы и проныры! Где это вы за пару мгновений откопали такого красавчика? —

усмехнулся парень, принимая у Линь Юя бумаги.

Чжан Сяовэй бросил взгляд на обладателя анкеты: внешность самая заурядная, но высокий прямой нос придавал лицу особую выразительность и мужественность.

Указывая на Ли Хан, Линь Юй со смешком пояснил:

— Да это парень его заарканил.

Линь Юй говорил громковато, и Чжан Сяовэй физически ощутил, как десятки глаз уставились ему в спину. Скосив глаза, он заметил, что Ли Хан с улыбкой на губах тоже смотрит прямо на него.

Сам же Чжан Сяовэй от смущения так и не посмел поднять голову.

И верно говорят: оптом и батьку бить легче. Буквально через пару-тройку минут вся их троица уже вывалилась из дверей учебного корпуса.

Чжан Сяовэй заодно узнал, что парня, стоявшего в очереди, зовут Ван Гоюй — он коллега Ли Хана и по совместительству хороший друг Линь Юя.

Правда, насчет этого лучшего друга в его голове возник жирный вопросный знак, ведь интуиция подсказывала: отношения между ними куда сложнее, чем кажутся.

Оставалось лишь завершить последнюю формальность — отметить у коменданта в общежитии.

Поскольку с утра во рту ничего не было, стояла жара, да еще и этот тяжелый чемодан вымотал все силы, Чжан Сяовэй взмок с головы до ног и жутко устал.

Ли Хан бросил на него взгляд и бросил остальным:

— Подождите меня в тени деревьев, я мигом.

Не дожидаясь ответа, он быстрым шагом удалился.

Озадаченный Чжан Сяовэй обратился к Линь Юю:

— Куда это господин Ли отправился?

Проводя взглядом удаляющуюся фигуру, Линь Юй усмехнулся:

— А с виду и не скажешь, что этот тип такой благородный.

Ван Гоюй притянул Линь Юя за шею и ехидно протянул:

— Раз он так усердствует, явно не ради наших прекрасных глаз старается.

Линь Юй дернул плечом, сбрасывая чумовую руку с шеи, и недовольно бросил:

— И вечно тебе надо лапаться в такую жару!

Ван Гоюй виновато и неловко захихикал.

Чжан Сяовэй поспешно отвел глаза от этой воркующей парочки.

Линь Юй подпрыгнул на месте и восторженно завопил:

— Едет!

Проследив за его взглядом, Чжан Сяовэй увидел блестящий на солнце черный автомобиль марки Audi, который катил прямо к ним.

У Чжан Сяовэя от удивления округлился рот: он прекрасно знал, сколько стоит эта новая модель.

Меньше всего он ожидал, что Ли Хан окажется тайным толстосумом.

Выйдя из машины в темных очках, Ли Хан махнул им рукой:

— Красавчики, прошу на борт!

Линь Юй тут же шмыгнул на переднее сиденье.

Ван Гоюй последовал за ним и устроился сзади.

Подойдя к Чжан Сяовэю, Ли Хан помог загрузить чемодан в багажник, учтиво распахнул заднюю дверцу и жестом пригласил гостя внутрь.

Безупречные манеры Ли Хана окончательно выбили Чжан Сяовэя из колеи.

Едва они тронулись, Линь Юй повернулся с переднего сиденья и безапелляционно заявил:

— Сяовэй, у меня такое предчувствие, что нас обязательно поселят в одну комнату!

Чжан Сяовэй мягко улыбнулся:

— Было бы здорово, хоть какая-то поддержка.

— Ой, Линь Юй, я тебя умоляю, знаю я вас. Сколько ночей в неделю ты вообще планируешь ночевать в общежитии? Сдаётся мне, тебе просто нужен шпион в комнате, чтобы прикрывал, — поддразнил его за рулем Ли Хан.

Ван Гоюй бросил на Ли Хана уничтожающий взгляд:

— Завидуешь молча, лисица виноград зелен зеленее.

Ли Хан лишь хмыкнул в ответ.

Добравшись до общежития и получив у комендантши матрасы, циновки и противомоскитные сетки, Чжан Сяовэй понял, что интуиция Линь Юя не подвела: их действительно поселили в одну комнату, номер 503.

Отворяя дверь ключом, выданным вахтершей, Чжан Сяовэй увидел, что все четыре места пока пустуют — они с Линь Юем явились первыми.

Чжан Сяовэй выбрал кровать у окна с правой стороны, а Линь Юй занял соседнюю с краю — получилось, что они спят лицом друг к другу.

Окинув взглядом комнату, Чжан Сяовэй неожиданно для себя брякнул:

— Надеюсь, тебя не укачает от моего храпа по ночам?

Линь Юй покосился на Ван Гоюя и холодно бросил:

— Ничего, привычный. В крайнем случае заткну тебе рот грязным носком.

Ван Гоюй виновато почесал затылок и глуповато улыбнулся.

Ли Хан уже открыто смеялся.

Тут до Чжан Сяовэя наконец дошло: Линь Юй, судя по всему, состоит в отношениях с Ван Гоюем, а тот, в свою очередь, является коллегой Ли Хана.

Его лишь поражала степень раскрепощенности в Чанше: Ван Гоюй и Линь Юй совершенно не скрывали своей связи. То, что в его родных краях приходилось тщательно прятать от чужих глаз, здесь воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Чжан Сяовэй подумал, что не зря приехал сюда.

Заметив, как Ван Гоюй забрался на кровать Линь Юя, старательно застилает постель и закрепляет полог от комаров, Чжан Сяовэй почувствовал легкий укол зависти. Он вспомнил, как при поступлении в старшую школу точно так же возился с ним Чжан Чжи — будь тот здесь, ему бы и вовсе не пришлось пачкать руки.

— Пойдемте-ка поедим, — предложил Ли Хан.

Чжан Сяовэй поначалу инстинктивно хотел отказаться — он не привык трапезничать в компании незнакомцев, но тут же вспомнил, сколько хлопот доставил им сегодня утром, да и благодарить за помощь как-то надо было. Пришлось кивнуть.

Ли Хан отвез их в ресторан неподалеку от университета. Чжан Сяовэй увидел, как Линь Юй уверенной поступью завсегдатая зашел в заведение с оригинальным названием «Остатки пира».

При виде вывески аппетит у Чжан Сяовэя пропал наполовину. Однако, переступив порог и обнаружив яблоку негде упасть и даже небольшую очередь на входе, он в корне изменил свое мнение.

Стоило им войти, как к ним тут же подскочила официантка и с извиняющейся улыбкой произнесла:

— Простите, господа, свободных столиков нет, не могли бы вы немного подождать?

Ван Гоюй лучезарно улыбнулся:

— Ничего страшного, у нас заказан отдельный кабинет 201 на втором этаже.

— Хорошо, сэр, я провожу вас. Желаете сразу сделать заказ?

— Голову рыбы под острым перцем, говядину в чили, картофельную соломку с кислинкой и перцем, — перечислил Ли Хан, а затем повернулся к Сяовэю: — Чего душа еще желает?

Чжан Сяовэй пожал плечами:

— Мне всё равно.

— Прекрасно, официант, запишите еще порцию блюда под названием «всё равно», — с абсолютно серьезным лицом потребовал Ли Хан.

Девушка невольно хихикнула:

— Извините, молодой человек, в нашем меню такого блюда пока нет. Может, заменим свининой в кисло-сладком соусе со вкусом рыбы? Тоже наше фирменное блюдо.

Чжан Сяовэй отметил, что официантка с ее очаровательными ямочками на щеках выглядит весьма симпатично.

— Ладно, давайте еще суп из свиных ребрышек с морской капустой. И поторапливайтесь с заказом, пожалуйста, — подмигнул девушке Ли Хан.

— Сию минуту, ожидайте, — покраснев и прикрыв рот рукой, официантка упорхнула.

— Кхе-кхе... — Чжан Сяовэй услышал, как Ван Гоюй смачно причмокнул губами.

Похоже, чары фирменного подмигивания подействовали безотказно.

Не успел Чжан Сяовэй насладиться перепалкой Линь Юя и Ван Гоюя, как на столе появились блюда. Измотанные утренней беготней парни набросились на еду с аппетитом.

Заметив, как Ван Гоюй бережно выковыривает все косточки из куска рыбы перед тем, как положить его в тарелку Линь Юя, Чжан Сяовэй помрачнел. В груди вновь всколыхнулась волна тоски — перед глазами опять встал Чжан Чжи.

Правда, он не заметил, что это мимолетное движение бровей не укрылось от глаз сидевшего напротив Ли Хана.

— Интересно, чем занимается этот дурачок дома? — в чужом и незнакомом городе Чжан Сяовэй вдруг острее прежнего затосковал по родным местам.

Аппетит пропал начисто. Сославшись на необходимость в туалет, он тихонько выскользнул из-за стола.

Заперевшись в кабинке, Чжан Сяовэй набрал номер Чжан Чжи.

— Ленивая ты свинья, закончил с документами? Как универ, нравится? — радостный голос друга зазвучал в трубке.

— Да. Только без тебя здесь тоскливо, — едва слышно проговорил Чжан Сяовэй, прикусив губу.

На том конце провода на мгновение повисла тишина, а затем Чжан Чжи весело рассмеялся:

— Так дело не пойдет! Тебе еще семью заводить, жизнь строить. Как бы крепко мы ни дружили, мы не можем быть привязаны друг к другу вечно.

Не дослушав до конца, Чжан Сяовэй сбросил вызов.

Прижавшись лбом к двери кабинки, он изо всех сил сдерживал рвущиеся наружу слезы. Ополоснув лицо холодной водой, он посмотрел на свое отражение в зеркале и натянул

широкую фальшивую улыбку.

Сохранив невозмутимый вид, Чжан Сяовэй вышел из уборной, подошел к кассе и произвел расчет:

— Счёт за двести первый, пожалуйста.

Та самая симпатичная официантка с ямочками на щеках смущенно шепнула:

— Тот ваш друг... красавчик, который был с вами, уже всё оплатил. А еще он долго бродил возле туалета, пока вы не вышли.

— Спасибо, я понял, — вежливо улыбнулся в ответ Чжан Сяовэй.

Размеренным шагом вернувшись за столик, он одарил троицу легкой улыбкой.

Внешне Чжан Сяовэй выглядел спокойным, как гладь озера, но в душе бушевали нешуточные страсти.

«Почему Ли Хан околачивался возле уборной? Подслушивал мой разговор? Зачем ему это?».

Один за другим в голове рождались тревожные вопросы.

Сидя как на иголках, Чжан Сяовэй поднялся со стула и с виноватым видом произнес:

— Ребята... Линь Юй, Гоюй, и вы, господин Ли, прошу прощения, но у меня ужасно разболелась голова, пожалуй, пойду прилягу.

— Голова болит? Ерунда! — тут же отозвался Линь Юй. — Знаешь ли, двое сидящих рядом с тобой людей — знаменитые на всю Чаншу практикующие врачи.

Чжан Сяовэй едва вновь не разинул рот от удивления.

— Ой, пощади нас, вскрывать брюхо пациентам я еще мастак, а вот лечить простуду — увольте, — отмахнулся от Линь Юя Ли Хан, переводя взгляд на Сяовэя: — Давай я провожу тебя до комнаты?

— Не стоит, правда. Сидите здесь, доедайте. Спасибо за помощь сегодня, и за угощение тоже.

Голос Чжан Сяовэя звучал все тише.

— Ну хорошо, тогда я хотя бы провожу тебя до выхода, можно? — поднялся Ли Хан.

Чжан Сяовэй почувствовал себя неуютно.

Поднявшись, Линь Юй холодно бросил:

— Братец Хан, посиди лучше здесь. Сяовэй — мой однокурсник, а не твой, нечего перед ним так распинаться.

Слово «распинаться» он произнес с особым нажимом.

Уши Чжан Сяовэя вспыхнули багрянцем. В три счета преодолев расстояние до выхода, он пулей вылетел из кабинета.

Вслед ему донесся голос Линь Юя:

— И куда это он понесся? Эй, Сяовэй, стой, я вызову тебе такси, отсюда до общежития прилично пилить.

Добравшись до общежития на пойманной Линь Юем машине, Чжан Сяовэй в полном полусне рухнул на кровать.

Проснувшись, Чжан Сяовэй обнаружил, что за окном уже сгустились сумерки, а в голове все еще гудело. Приподнявшись на локте, он бросил взгляд на соседнюю койку — Линь Юй так и не вернулся. Поглядев на остальные кровати, он заметил, что все они аккуратно застелены, а над ними висят москитные сетки.

Ощущая тревогу, он сел на матрасе и принялся массировать виски.

В этот момент дверь комнаты отворилась, и в прихожей вспыхнул свет.

Яркая вспышка резанула по глазам. Зажмурившись, Чжан Сяовэй прикрыл лицо ладонью, пытаясь разглядеть вошедших.

В комнату ввалили двое парней с пакетами снеди наперевес. Один из них, невысокий крепыш с пухлыми щеками и стрижкой под горшок, выглядел крайне забавно. Второй носил очки в золотой оправе, его лицо пестрело следами подростковых прыщей, а сам он был худым, как жердь. Вместе они составляли довольно комичную парочку.

Заметив, что Чжан Сяовэй проснулся, кругленький парень тут же семенил к нему:

— О, встал? Мы заселились во второй половине дня. Меня зовут Го Гай, но все зовут меня Гогай. А вон тот — Лань Юнбо. Мы только что бегали перекусить, хотели тебя разбудить, да ты так сладко спал, что решили не тревожить. Зато мы прихватили тебе шашлычков на вынос! За всё платил Юнбо.

Гогай немного шепелявил, а в его речи отчетливо слышался деревенский говорок.

Чжан Сяовэй поспешно полез в кошелек:

— Спасибо, ребят, выручили. Сколько с меня? И да, я Чжан Сяовэй, очень рад знакомству.

Худой очкарик Лань Юнбо бросил равнодушно:

— Брось, вернешь как-нибудь обедом.

Гогай хихикнул:

— А я тогда снова с вами поем!

— Нажрешься еще, и так из свиньи превратишься в круглый мяч, — даже язвил Лань Юнбо ледяным тоном.

Бросив пакет с едой на стол, Гогай подошел к стене и щелкнул выключателем потолочного вентилятора.

Тот издал противный скрип и, заставив Чжан Сяовэя с замиранием сердца следить за полетом лопастей, наконец завертелся на полную мощность, принося спасительную прохладу в душную

сентябрьскую комнату.

Уловив аппетитный аромат жареного мяса, Чжан Сяовэй разом взбодрился. Спрыгнув с кровати, он придвинул стул и принялся разрывать шуршащий пластиковый пакет.

Лань Юйбо, наблюдая за неторопливой манерой еды Чжан Сяовэя, состроил ехидную гримасу:

— Ну всё, теперь наши совместные трапезы будут зрелищными.

Вытирая салфеткой капельки соуса с губ, Чжан Сяовэй удивленно поднял брови:

— Это еще почему?

Лань Юнбо лениво дошел до окна и прислонился плечом к раме:

— Увидишь, как жрёт этот обжора Гогай, поймешь. У вас разные стили: один сметает всё подчистую, другой жует как аристократ. Вангую: пока ты донесешь до рта первый кусочек, на тарелке уже шаром покати будет.

Надув пухлые губы, Гогай обиженно забормотал:

— Опять ты наговариваешь, ничего подобного.

Лань Юнбо хмыкнул, высунулся по пояс из окна и зычно завопил на весь двор:

— Эй, девчонки в соседнем корпусе, гляньте сюда! Какие тут красавчики обитают!

— Кхе! — Чжан Сяовэй, только что отправивший в рот пару перьев лука, едва не подавился от такого вопля.

Сжимая в руке деревянную шпажку из-под шашлыка, он мысленно пожелал прикончить Лань Юнбо на месте.

В ту же секунду в окнах напротив, еще минуту назад залитых ярким светом, разом погасли все огни!

С улицы донеслись яростные вопли второкурсников из соседнего мужского крыла:

— Какая сволочь нам девчонок распугала?!

— Изрежу на кусочки!

Опомнившись, Гогай бросился к двери и дрожащими руками задвинул щеколду, после чего спешно погасил свет в комнате.

В наступившей темноте Чжан Сяовэй отчетливо слышал тяжелое, испуганное дыхание соседа.

И точно: спустя минуту в дверь забарабанили тяжелые кулаки, и грубый бас рявкнул:

— Есть кто живой? Эй, открывайте!

Прижавшись ухом к полотну, Гогай услышал, как снаружи кто-то сказал:

— Да темно здесь, кажется, не они шумели.

Дождавшись, пока шаги стихнут, Гогай зажег свет, шумно выдохнул и бросил на Лань Юнбо полный омерзения взгляд.

Виновник переполоха меж тем преспокойно свистел глядящим вниз девушкам, всем своим видом показывая, что происходящее его ни капли не касается.

Теперь Чжан Сяовэй понял истинную причину обильной угревой сыпи на лице Лань Юнбо — это же классический переизбыток гормонов на фоне лютого воздержания!

Тяжело приходится парню.

Заметив, как голодный взгляд Гогая прикован к оставшемуся на столе шашлыку, Чжан Сяовэй махнул рукой:

— Гогай, я больше не лезет, доедай, угощайся.

Почесав затылок, Гогай сглотнул слюну и застенчиво улыбнулся:

— Я вообще-то сыт уже, не стоит...

— Ты проверь, не закапал ли слюной пол, — бросил через плечо Лань Юнбо, холодно усмехнувшись.

— Давай, не ломайся, знаю я твой аппетит, — Чжан Сяовэй помахал перед его носом оставшейся шпаккой.

— Ну раз хозяйское угощение, грех отказываться! — Гогай с табуреткой наперевес бросился к нему с грацией слона. В этот момент Чжан Сяовэй с изумлением обнаружил, что гибкость и проворство этого тучного парня превосходят любые ожидания — судя по всему, врожденный инстинкт прирожденного гурмана творит чудеса.

Хватая мясо обеими руками, Гогай заталкивал его за обе щеки. От такой картины у Чжан Сяовэя сердце уходило в пятки, особенно когда он заметил, что рот обжоры забит до отказа, но тот при этом еще умудряется вести беседу.

— М-м, слушай... как тебя звать-то? — жир капал с подбородка Гогая, но он шустро втянул его обратно с характерным хлюпаньем.

— Чжан Сяовэй. Чжан — как лук со стрелой, Сяо — который маленький, и Вэй — великий.

— А ты откуда родом? — Гогай снова подцепил палочками запеченный зеленый перец и отправил его в рот.

— Из Циндао, провинция Шаньдун. Точнее, если совсем уж точно, из деревни под Циндао.

— В Циндао тоже есть деревни? А я думал, там сплошь небоскребы, синее море и голубое небо.

— Это оттого, что ты невежда, — отозвался Лань Юнбо, разворачиваясь к ним. — Я вот из Чандэ, провинция Хунань.

— А я... я... я из Голландии, — Гогай вытер выступившие на лбу капли пота, даже не поднимая головы.

— Из Голландии? — Чжан Сяовэй чуть глаза не вытаращил от изумления. «Вот уж воистину, человек может скрывать свои таланты, — подумал он про себя. — Кто бы мог подумать, что этот невзрачный Гогай — самый настоящий заграничный выпускник».

— Он из Хэнани, — закатив глаза, лениво бросил Лань Юнбо.

— Да-да, точно, я из Хэнани, — подтвердил Гогай.

Чжан Сяовэй посмотрел на Гогай, отчаянно сражающегося с шашлыком, перевел взгляд на Лань Юнбо, насвистывающего какой-то хулиганский мотивчик, и вспомнил про загадочного Линь Юя, чьи намерения были до конца не ясны. Жизнь внезапно показалась ему чертовски интересной.

Гогай, разделавшись с шашлыком из куриных косточек с мясом и тщательно обглодав бамбуковую палочку, откинулся на спинку стула. Он погладил свой круглый живот с видом полного удовлетворения.

Лань Юнбо покосился на него и холодно заметил:

— Клянусь, больше никогда не пойду с этим типом есть. Позорит наш общежитский имидж.

Гогай надул губы и возмущенно воскликнул:

— В нашем общежитии должна царить демократия, а не какая-то там диктатура! — Он поднял голову и посмотрел на кровать Линь Юя, где уже была застелена постель. — Сяовэй, ты уже видел того парня?

— Ага, его зовут Линь Юй, он из Чанша. Познакомились, когда я записывался, — равнодушно ответил Чжан Сяовэй.

— Кто это тут меня вспоминает? — Раздались шаги, и в дверях показался Линь Юй, подбоченившись. Следом за ним вошли Ван Гоюй и Ли Хан. — Только вошел в корпус, как сразу начал чихать. Думал, мама скучает, а оказывается, это вы тут косточки мне перемываете.

Увидев Ли Хана, Чжан Сяовэй неловко улыбнулся и, опустив голову, замолчал.

— О-о, так ты и есть Линь Юй? Привет! Я Го Гай, а там — Лань Юнбо. Мы теперь соседи, — Гогай, будучи человеком крайне общительным, тут же вскочил и вежливо поздоровался.

Лань Юнбо лишь молча кивнул в сторону Линь Юя, что сошло за приветствие.

— Приятно познакомиться! Вот, небольшой подарок при встрече, надеюсь, не откажетесь, — улыбнулся Линь Юй.

Ван Гоюй достал из пакета три красивые подарочные ручки и раздал их Гогаю, Чжан Сяовэю и Лань Юнбо.

Гогай вертел ручку в руках, не в силах с ней расстаться:

— Ого, знаю этот бренд, они очень дорогие. Ты правда богатый.

— Не позорь наше общежитие, — скривился Лань Юнбо, обрывая его.

Гогай хотел было огрызнуться, но, увидев недовольное лицо соседа, благоразумно прикусил язык. В комнате повисла неловкая пауза.

— Оу, этот парень, должно быть, староста? Хотя даже у старосты нет права затыкать других, — не удержался Линь Юй.

Ван Гоюй поспешно дернул его за рукав и выразительно взглянул на Ли Хана.

Ли Хан кашлянул, подошел к Чжан Сяовэю и тихо спросил, склонившись к нему:

— Тебе лучше? Мы... мы принесли тебе еды, и еще купили кое-какие туалетные принадлежности.

Его дыхание коснулось кожи Сяовэя, и того бросило в дрожь. В панике Чжан Сяовэй вскочил, схватил со стола кошелек, вытащил стоюаневую купюру и протянул Ли Хану:

— Спасибо, я не могу принимать это бесплатно. Вы и так сегодня слишком много для меня сделали.

— Кто сказал, что я дарю это бесплатно? Жду, когда ты пригласишь меня на обед, — Ли Хан накрыл руку Сяовэя своей и плавно вернул купюру обратно.

«Кто сказал, что мужчины с Юга — хлипкие и слабые?» — Чжан Сяовэй снова ощутил скрытую силу Ли Хана и в глубине души пожурил себя за невежество.

— Так, Линь Юй, сегодня ночуй здесь, лади с соседями, а нам пора, — Ван Гоюй мягко успокаивал недовольного Линь Юя.

— Не хочу я здесь оставаться, хочу с тобой! — Линь Юй капризно покачивался, не обращая внимания на удивленные взгляды остальных мужчин.

— Малыш, я буду забирать тебя, как только появится свободное время. Мы же совсем рядом, — ласково сказал Ван Гоюй.

Чжан Сяовэй проникся к нему симпатией — по крайней мере, сам он на такое терпение был бы неспособен.

— Ладно, решайте скорее, идем или нет, меня дома Маомао ждет, — с досадой произнес Ли Хан, глядя на эту парочку.

— Ладно, води машину аккуратно. Я буду приходить, чтобы поиграть с Маомао, — Линь Юй наконец сдался.

Линь Юй с неохотой проводил их до дверей. У самого выхода Ли Хан обернулся и, увидев, как Чжан Сяовэй стоит с опущенной головой, теребя край рубашки, едва заметно улыбнулся.

— Ну всё, иди уже, — Линь Юй легонько подтолкнул его.

Натянутые нервы Чжан Сяовэя наконец немного расслабились. Линь Юй, словно почувствовав что-то, взглянул на него:

— Сяовэй, как ты? Все еще плохо? Мы принесли тебе много еды, Ли Хан всё оплатил.

— Уже намного лучше, наверное, просто перегрелся. Я не буду есть, Гогай и Юнбо уже меня накормили, спасибо.

Сяовэй терпеть не мог оставаться в долгу, но, кажется, едва поступив в университет, он уже набрал долгов по самые уши.

— Не стесняйся, как чужой. Есть планы на вечер?

— Мне без разницы.

— Давайте устроим ночные посиделки? Все равно не уснем. Я так долго этого ждал! — восторженно предложил Гогай.

Чжан Сяовэй, вспомнив, как Линь Юй и Лань Юнбо сцепились через пять минут после знакомства, подумал, что идея Гогая — не такая уж и плохая.

— Я за, — Сяовэй поднял обе руки.

Линь Юй запрыгнул на кровать:

— Тогда начинаем!

— Давайте придумаем друг другу прозвища, так будет душевнее, — предложил Гогай.

Чжан Сяовэй плотно сжал губы. Он вспомнил, как в старшей школе один негодяй в общежитии прозвал его «Брат Вэй». Сначала он гордился — как-никак, звучит солидно! Но когда от Чжан Чжи он узнал, что это прозвище имеет и другой, пикантный подтекст, ему захотелось разорвать того шутника на куски. С тех пор он пытался бороться с прозвищем, но безуспешно, так что пришлось смириться.

В комнате воцарилась тишина.

— Отличная идея, — улыбнулся Линь Юй. — Слушай, Го Гай, кто придумал тебе такое приземленное имя? Го Гай, котелок... ха-ха! Тебе и придумывать ничего не надо, «Котелок» — идеальное прозвище.

Го Гай почесал затылок и глупо захихикал:

— Не знаю, наверное, потому что голова большая! А от тебя, Юй, так приятно пахнет. Как тебя звали в школе?

— Все звали меня Сяо Юй.

— Нет-нет, Сяо Юй — это не то. Вот «Рыбка» — звучит намного нежнее, — Гогай закивал так, что голова заходила ходуном.

— Пф, «Рыбка»? Еще бы «Цветок без изъяна» придумал, — вдруг подал голос молчавший до этого Лань Юнбо.

— Ой, да откуда мне, простому смертному, удостоиться чести быть близнецом такого красавца, — язвительно ответил Линь Юй.

— Ну вот и договорились! Линь Юй теперь «Рыбка». Теперь твоя очередь, Юнбо, как нам тебя называть? — Гогай радостно улыбнулся.

— Называйте меня Брат Бо! — отрезал Лань Юнбо. Услышав это «брат», Сяовэй едва не лишился чувств — ненавистное слово!

Линь Юй спокойно заметил:

— Сяовэю больше подходит звание «Брат», а этот тип — такой дерзкий, давайте назовем его «Бо-ба». М-м, «Брат Вэй» и «Бо-ба», звучит в рифму!

Чжан Сяовэй не знал, что творилось в душе у Лань Юнбо, но сам он мысленно проклял всех родственников Линь Юя до седьмого колена и пожелал, чтобы они навсегда остались с этой «рифмой».

Лань Юнбо лишь небрежно бросил:

— Я согласен на «Бо-ба», но тогда ты должен принять прозвище «Извращенец»!

— Пошел ты! самого себя так назови! — Линь Юй подскочил на кровати.

— Ой, смотрите, завелся. Думаешь, только ты умеешь жалить словами? — не поднимая головы, парировал Лань Юнбо.

— Брат Вэй, ты что думаешь? — Гогай решил сменить тему.

— Я считаю, слово «извращенец» звучит слишком грубо. Давайте просто «Фея», это подчеркнет красоту Линь Юя.

— Тогда уж «Русалочка», чего мелочиться! — рыкнул Линь Юй.

— И с «Братом Вэем» тоже надо что-то решать, лично я считаю...

— Мы согласны на «Брата Вэя»! — хором перебили его трое.

Чжан Сяовэй понял, что спасения нет, и возвел очи горе, пытаясь унять негодование.

Итак, прозвища были закреплены: Го Гай стал Котелком, Чжан Сяовэй — Братом Вэем, Лань Юнбо — Бо-бой, а Линь Юй — Феей.

Сяовэй понял, что больше всех выиграл Котелок, ведь у него фактически не было прозвища. А вот Лань Юнбо досталось больше всех, и Сяовэй уже представлял, как кличка «Бо-ба» разлетится по всему университету.

Впрочем, после этой дискуссии отношения между ними заметно потеплели — и всё благодаря Котелку.

Чжан Сяовэй с самого начала приглядывался к соседям. Больше всего его удивлял Котелок — казалось, он далеко не так глуп, как прикидывался. Одежда Лань Юнбо была сплошь от брендов, названий которых Сяовэй даже не знал. А Линь Юй... ну, тут и говорить нечего: он доставал из сумки столько косметики, что ею можно было заставить все полки в шкафу.

Университет — место, где всегда есть скрытые таланты.

Вдруг у Сяовэй зазвонил телефон — это был Чжан Чжи.

Сяовэй подсознательно соскочил с кровати и направился в туалет. Линь Юй поднял бровь:

— Чего такой взволнованный? Девушка звонит?

Сяовэй уклончиво улыбнулся и закрылся в уборной.

— Алло, какие будут указания? — тихо спросил он.

— Совсем страх потерял? Целый день не звонил! — раздался гневный голос Чжан Чжи.

— Не гневайся, господин, времени совсем не было, регистрация — дело утомительное. Да и звонки межгороду стоят недешево.

— Язык без костей, вернешься — живьем с тебя шкуру спущу, — похабно рассмеялся Чжан Чжи.

— Я в общежитии, ладно, давай, пока. Спокойной ночи, милый, — нежно сказал Сяовэй.

Выйдя из туалета, он услышал, как трое соседей хором зацокали языками.

— Оказывается, наш Брат Вэй уже занят, — ехидно заметил Линь Юй.

— В следующий раз не обязательно прятаться в уборной, — добавил Лань Юнбо. — Мы все взрослые люди, это не ранняя любовь, будь посмелее.

Котелок сложил руки на груди:

— И зачем мне такая эффектная внешность, если я уже двадцать лет прозябаю в одиночестве? А у вас как? Есть девушки?

Лань Юнбо процедил сквозь зубы:

— Моя первая мечта в универе — перестать быть девственником, надеюсь, этот день скоро настанет.

— У меня есть пара, — коротко бросил Линь Юй.

Котелок покраснел:

— Тот красавчик, что приходил?

— Именно. Мы ничего не скрываем, нам нечего стыдиться.

Чжан Сяовэй напрягся — он боялся, что Лань Юнбо скажет что-то резкое.

— Что ж, я тебя уважаю! — хлопнул в ладоши Юнбо. — Я не против гомосексуалистов. Даже наоборот, чем их больше, тем меньше конкуренции за девушек.

Котелок осторожно спросил:

— А родители поймут? Ведь есть поговорка: из трех грехов против сыновнего долга самый тяжкий — отсутствие потомства.

— Буду тянуть до последнего, год за годом, — вздохнул Линь Юй.

«Тянуть до последнего». Эти слова упали на сердце Сяовэя тяжелым молотом. Если жизнь измеряется лишь тем, как «тянуть», то это очень печально.

Он невольно подумал о Чжан Чжи. Кто они друг для друга? Хватит ли ему мужества сказать родителям: «Я люблю мужчину, я люблю Чжан Сяовэя»?

А сам он? Осмелится ли он сказать своим родителям, что хочет прожить всю жизнь с Чжан Чжи? Что скажут соседи? Не будут ли они тыкать пальцем в спину его отцу?

Он вспомнил того студента, который прыгнул с крыши.

В эту жаркую ночь Сяовэй впервые в жизни ощутил ледяную дрожь. Он горько усмехнулся: он бы на такое точно не решился.

Из-за переживаний и дневного сна Сяовэй ворочался всю ночь и уснул лишь под утро.

Его разбудил Котелок. Сяовэй прищурился на часы — было уже одиннадцать утра.

Лань Юнбо, прислонившись к окну, читал вслух какой-то английский текст, надеясь привлечь внимание девушек из соседнего корпуса. Линь Юй стоял перед зеркалом и пинцетом выщипывал брови — глядя на то, как он морщится, Сяовэй чувствовал боль даже за него.

Заметив в зеркале, что Сяовэй встал, Линь Юй игриво подмигнул:

— О, какое тело! Дай-ка я оценю на ощупь.

Он потянулся к Сяовэю с карандашом для бровей. Сяовэй вздрогнул и, схватив одежду, начал одеваться с молниеносной скоростью. Это вызвало у Линь Юя залиvistый смех.

Пока Сяовэй чистил зубы, Линь Юй сказал:

— Мой благоверный звонил, сказал, что кто-то хочет угостить наше общежитие обедом. Похоже, это благодаря тебе.

«Кто-то?» Сяовэй замер, мгновенно поняв, о ком речь.

Не успел он ответить, как Котелок захлопал в ладоши:

— Здорово, только приехали, а нас уже кормят!

— Мы не берем подачек, мы им не родственники, я не пойду, — холодно отрезал Лань Юнбо.

— Брат Вэй, а ты? — спросил Линь Юй.

— Вчера он и так намучился, будет правильно, если я приглашу его. А учитывая, что днем собрание, предлагаю сходить в столовую. Говорят, там неплохо кормят.

Сяовэй умылся, подошел к Линь Юю и принялся:

— Хорошо пахнет. Ты, кажется, всегда этим парфюмом пользуешься?

— Конечно. Я выяснил, что таким почти никто не пользуется. Люблю выделяться, — Линь Юй

махнул рукой. — Ладно, скажу ему, чтобы не приходили, пойдем в столовую.

— Ты мог бы встретиться со своим, — не выдержал Сяовэй.

— Да ну их, у них перерыв два часа, а ехать сорок минут в одну сторону.

— Слушайте, я знаю одну лапшичную, там такая говяжья лапша! — Котелок загорелся.

— Откуда тебе знать? Ты что, уже пробовал? — съязвил Юнбо.

— Конечно, я все каникулы сидел на форуме нашего университета. Знаю всё: где вкусно, а какой преподаватель самый симпатичный.

Сяовэй невольно поднял большой палец вверх.

Он заметил, что за одну ночь четверо стали куда ближе, хотя Лань Юнбо и Линь Юй всё еще не находили общего языка. Впрочем, благодаря Гогаю обстановка не была такой уж напряженной.

На выходе из общежития Котелок выдал еще одну странную идею:

— Значит так, ребята, я слышал, в этой лапшичной работает молодая девушка. Она добавляет говядину в зависимости от красоты посетителя. Красавцам вроде Брата Вэя и Феи — побольше, а таким, как я или Бо-ба, — поменьше.

— Не сравнивай меня с собой, и я протестую против этого «Бо-ба»! — Лань Юнбо надулся.

Сяовэй прыснул, но тут зазвонил телефон — снова Чжан Чжи. Он собрался было отойти, но Линь Юй схватил его за руку:

— Чего такой нервный? Оставайся здесь, принимай звонок, не страшно.

Сяовэй дрожащими руками нажал «ответить» и отодвинул телефон подальше. Из динамика донесся рев:

— Чжан!! Сяо!! Вэй!!! Почему так долго не отвечал? Думал, тебя украли! Чем ты занимаешься?!

Сяовэй увидел ехидную улыбку Линь Юя и понял, что дело дрянь.

— Ну, это... ем, перезвоню позже, — он поспешно сбросил вызов.

— Это так, приятель из родного города, спрашивал, поел ли я, — Сяовэй неловко улыбнулся.

— Да-да, не оправдывайся, всё нормально, — Линь Юй хихикнул.

Сяовэй поёжился под его взглядом. Этот «Фея» был прав в своем прозвище, и Сяовэй поклялся сделать так, чтобы оно приклеилось к нему навсегда.

Их странная компания — парень с «котелком» на голове, высокий и крутой парень, утонченная «Фея» и просто симпатичный парень — определенно привлекала внимание.

В лапшичной Гогай скомандовал:

— Четыре порции с говядиной! И дайте еще одну пустую миску.

В лапшичной работали двое: повар, раскатывающий тесто, и девушка на кассе. Она действительно не сводила глаз со Сяовэя, а когда тот посмотрел на нее, застенчиво улыбнулась.

Народу было немного, поэтому повар быстро прокричал: «Готово!»

Девушка вынесла горячую лапшу, добавила щедрую порцию говядины из банки и залила всё ароматным бульоном.

Лань Юнбо, стараясь сделать голос нежнее, обратился к девушке:

— Красавица, осторожно, горячо.

Его голос прозвучал настолько фальшиво, что Гогай чуть не подавился, согнувшись пополам. Когда девушка ушла, хихикая, Юнбо врезал Котелку по затылку.

— Ладно, давайте считать куски говядины! Ставлю на то, что у Брата Вэя будет больше всего. Ставлю двести пятьдесят! — Котелок начал перекладывать мясо из миски Сяовэя в пустую.

— Один, два, три, четыре, пять... всё. А этот маленький кусочек не считается.

Затем он перешел к миске Юнбо:

— Один, два, три, четыре... всё, ха-ха!

Сяовэй присмотрелся — и правда, четыре куска. Лань Юнбо не поверил своим глазам, перевернул всю лапшу, но больше ничего не нашел.

— Проиграть этому свиному рылу — вот что обидно, — проворчал он.

— У Линь Юя шесть кусков, неплохо.

Линь Юй победно улыбнулся.

Гогай дотянулся до миски Сяовэя:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Ого, я же говорил!

Лань Юнбо и Линь Юй демонстративно отвернулись.

Тут Котелок внезапно сплюнул в миску с говядиной три раза:

— Плевать, сколько кусков у вас, теперь всё это моё!

Юнбо и Линь Юй взревели и набросились на него, принявшись щекотать.

— О да, отличный массаж, продолжайте! Брат Вэй, присоединяйся!

— О, правда? А я вот думаю, что мы еще не расплатились. Обед сегодня за твой счет, — Сяовэй улыбнулся кассирше: — Красавица, добавьте нам еще по десять кусков мяса каждому, запишите на наш счет.

Юнбо и Линь Юй замерли, глядя на Сяовэя с обожанием.

Когда девушка принесла мясо, Котелок издал истошный вопль:

— Брат Вэй, лучше убей меня!

После обеда они направились в корпус — в четыре часа начиналось собрание, где должны были обсудить военную подготовку. Когда четверо появились у дверей аудитории, шум мгновенно стих, а потом возобновился с новой силой.

Сяовэй услышал, как одна из девушек на передней парте прошептала:

— Наконец-то хоть кто-то симпатичный пришел.

Сяовэй потянул за рукав Лань Юнбо, который застыл, озираясь по сторонам, и усадил его на задние парты. Оглядевшись, он понял, что в аудитории в основном девушки — парней было всего несколько человек.

Девушки постоянно оглядывались на него, Сяовэю стало не по себе. Он лег на парту, наблюдая, как Лань Юнбо вытягивает шею, словно жираф, пытаясь рассмотреть всех, кто на него смотрит.

В классе становилось всё шумнее, Сяовэй начал было раздражаться, но тут в аудитории вдруг наступила тишина.

Чжан Сяовэй поднял голову и увидел, как в класс вошел мужчина средних лет с плотской стрижкой, в черной оправе очков, с маленьким носом и глазками, парой усов под ним и портфелем подмышкой.

Он кашлянул, и шумный класс мгновенно затих.

— Здравствуйте, студенты, добро пожаловать в университетский кампус ваших мечты. Меня зовут Ян Гуан, я ваш куратор, и, возможно, проведу с вами четыре прекрасных года. Сейчас я начну переключку, те, чьи имена я назову, встаньте, чтобы я мог с вами познакомиться. — Ян Гуан окинул взглядом всю аудиторию и медленно произнес.

Неизвестно почему, но, когда Чжан Сяовэй увидел куратора... надеясь, что мы все вместе постараемся сделать наш класс еще прекраснее. Чжан Сяовэй уже исчерпал все слова и кое-как выдавил из себя несколько фраз.

Снова раздались аплодисменты, еще более бурные, чем в прошлый раз. Чжан Сяовэй заметил ту самую девушку по имени Юй На, которая с полным пренебрежением смотрела в окно.

— Так, Чжан Сяовэй, ты после пойдешь со мной взять кое-какие материалы группы. И еще завтра в восемь утра собираемся на школьном стадионе, вас ждет первое испытание в университете — военная подготовка!

Из зала донеслись стоны и плач.

Университетские дни... Если хочешь сэкономить время, можешь пить кашу и одновременно ставить капельницу. — Тон Ли Хана был крайне твердым.

Чжан Сяовэй никак не ожидал, что окажется таким никудышным: едва приехав в школу и пробыв здесь всего полмесяца, он позволил другим увидеть свою слабость. Это определенно шло вразрез с его собственным стилем.

Он еще меньше ожидал, что всего за несколько дней учебы обретет таких замечательных соседей по комнате, таких прекрасных парней. Он начал чувствовать, что университет действительно полон сюрпризов на каждом шагу.

Чжан Сяовэй взглянул на Ли Хана, медленно опустил голову и молча правой рукой переставил упакованную коробочку с кашей себе на колени.

Чжан Сяовэй попытался открыть крышку каши одной рукой, но, на беду, эта пластиковая коробочка-термос оказалась такой труднооткрываемой.

Гогай попытался было подойти и помочь, но Линь Юй сослался на то, что ему нужно купить воды, и насильно вытащил его за собой.

— Нужна помощь? — с улыбкой произнес Ли Хан, обнажая ряд белых и ровных зубов.

— Ты же сам прекрасно видишь, к чему спрашивать. — мысленно пробормотал Чжан Сяовэй, хотя на его лице по-прежнему застыло равнодушное выражение.

Ли Хан взял коробку с кашей, слегка поддел ее, и крышка тут же открылась.

Ли Хан взял со стола ложку, набрал ложку каши, легко подул на нее и протянул Чжан Сяовэю.

Лицо Чжан Сяовэя уже покраснело до цвета свиной печени. Глядя на уже поднесенную ко рту кашу из нежирного мяса, он немного посомневался, поднял правую руку и сказал:

— Давай я лучше сам, видишь, с моей рукой все в порядке.

— Раз уж больной, так будь больной, к чему строить из себя героя. Ешь давай, пока не остыло. Говорю тебе, если не поешь, то в университетской жизни...

...в этом деле у него тоже был свой подход.

Оказалось, что в отсутствие Чжан Сяовэя организацией этого выступления занималась Юй На.

Ян Гуан снова с улыбкой произнес:

— Ты тоже выступи с каким-нибудь номером. Как староста, ты ведь должен подавать пример.

Чжан Сяовэй без колебаний ответил:

— Хорошо. Я спою песню Благословение.

Ян Гуан радостно сказал:

— Я пойду скажу ведущему.

Юй На закончила танец, поклонилась и медленно ушла со сцены под бурные аплодисменты.

Когда ведущий объявил имя Чжан Сяовэя, девушки в классе пронзительно зазвенели от восторга.

Чжан Сяовэй поднялся на сцену в военной форме, безо всякой подготовки, и невозмутимо произнес:

— Я хочу сказать слова благодарности инструкторам, которые столько трудились и хлопотали ради нас все эти дни. Желаю вам легкого и здорового пути в будущем. Эта песня Благословение — для вас, спасибо.

Не спрашивай, не говори, все слова излишни, в этот момент прижавшись к свету свечей, давай проведем время в тишине.

Не махай рукой, не оглядывайся назад, когда я затягиваю эту песню, я боюсь лишь того, что слезы тихо скатятся по щекам. Чжан Сяовэй оглянулся и увидел, как Линь Юй, Гогай и Боэрба поднимаются на сцену с микрофонами в руках.

Под это тихое напевание парни и девушки из класса один за другим тоже поднялись на сцену, обнимая друг друга за плечи. Эта песня Благословение уже превратилась в общее хоровое исполнение, и весь зал дружно и громко пел Благословение.

Чжан Сяовэй видел, как сидевший внизу рядок инструкторов украдкой вытирал слезы, и зрители в зале тоже утирали слезы.

Чжан Сяовэй также заметил сидевшую внизу Чэнь Вэньцзин с ее компашкой, которые рыдали навзрыд.

Пусть в сердце навсегда останется улыбка, что проведет тебя через каждую весну, лето, осень и зиму.

Сквозь затуманенные слезами глаза Чжан Сяовэй увидел у входа в театр Ли Хана с букетом цветов в руках.

Инструкторы поднялись и первыми начали аплодировать, аплодисменты не смолкали долгое время. Чжан Сяовэй вместе с однокурсниками уже трижды кланялись, благодаря за аплодисменты, которые все не утихали.

Затем все участники выступлений вышли на сцену, чтобы поклониться напоследок.

Народ внизу начал передавать на сцену цветы, причем в большинстве своем это были парочки. Были и девушки, которые привлекли внимание старшекурсников своей красотой, и те воспользовались случаем, чтобы выразить свои чувства.

На сцене мгновенно воцарился полный хаос.

Когда Чжан Сяовэй собирался уходить со сцены, дорогу ему преградила Чэнь Вэньцзин. Сунув цветы ему в руки, она густо покраснела и убежала.

Следом за этим Чжан Сяовэй увидел перед собой Ли Хана. Приблизившись к нему, Ли Хан тихо произнес:

— Не ожидал, что ты так здорово поешь, и еще меньше ожидал, что ты пользуешься такой популярностью. Могу я тебя обнять? С этого момента мы друзья.

Чжан Сяовэй принял букет и слегка обнял Ли Хана.

От Ли Хана слабо пахло лекарством, но, похоже, это было совсем не так неприятно, как он воображал...

Говорят, что на сегодняшний урок киноведения перевели нового преподавателя.

К тому же он доктор наук! Да еще и красавец-доктор.

В этот момент, когда прозвенел звонок с урока... вошел Чжан Сяовэй, только что начавший учебу в университете. Занятие подошло к концу, фильм закончился, но Чжан Сяовэй так ничего толком и не понял.

Преподаватель Сюй Ци выключил фильм и с улыбкой произнес:

— Кажется, у всех огромный интерес к подобным лентам, и вкусы у вас довольно крепкие. В следующий раз поставить вам Синий кафтан?

— Да! — дружно взвизгнули студентки.

Чжан Сяовэй придвинулся к Линь Юю и спросил:

— Что за фильм Синий кафтан?

Линь Юй одарил его презрительным взглядом и тихо ответил:

— Фильм, снятый по мотивам известного романа о товарищах, в главных ролях Ху Цзюнь и Лю Е, отзывы весьма неплохие.

— Переходим к домашнему заданию.

— А-а-а, только не это! — занощиво затянули девушки.

— Написать продолжение истории по мотивам сюжета Счастливы вместе объемом более двух тысяч слов, а также...

При слове а также девушки в классе снова издали всевозможные стоны. На какое-то время в аудитории повеяло весенним теплом, донельзя прелестным и томным.

— А также написать отзыв о просмотре, на выбор одно из двух. Обсудим это перед следующим занятием. Ну что же, мои дорогие, до встречи. — Преподаватель Сюй Ци попрощался со всеми своей совершенно невинной улыбкой.

<http://bllate.org/book/21931/2278618>